

ОКОР 15

Роман Поралис

Роман Поралис

Окоп 18 (окоп 15 для школ)

«Автор»

2026

Поралис Р.

Окоп 18 (окоп 15 для школ) / Р. Поралис — «Автор», 2026

Когда Рома застал свою девушку с бывшим, его мир рухнул. Восемнадцатилетний парень из провинции подписывает контракт и уходит на СВО — не за идею, а чтобы сбежать от боли. В учебке он встречает Александра — сорокапятилетнего бывшего заключённого, которого подставили с наркотиками. Два человека, два предательства, одна война. Их окоп становится не просто позицией — он становится домом, где рождается братство. Эта книга — не пафосный боевик. Это голос поколения, которое выросло среди взрывов и разбитых сердец. Честно. Горько. По-настоящему. «Окоп 15» — место, где умирают и воскресают.

© Поралис Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Роман Поралис

Окоп 18 (окоп 15 для школ)

Глава

«ОКОП 15»---ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог. Она даже не закрыла дверь

Часть первая. Учебка. Знакомство с Александром

Часть вторая. Первый бой

Часть третья. Разговор у костра

Часть четвёртая. Как я встретил Диану

Эпилог. Возвращение

ПРОЛОГ. ¹ Она даже не закрыла дверь. Она даже не закрыла дверь. Я до сих пор помню этот звук — скрип петель, когда я толкнул её плечом. Чертова ручка, которую мы с ней же и меняли прошлым летом, потому что старая отвалилась. Я её тогда держал, а она крутила отверткой и смеялась. «Рома, у тебя руки не из того места растут». А я просто смотрел на неё, на её волосы, упавшие на лицо, и думал: «Господи, как же я тебя люблю». И вот я снова стою перед этой дверью. Но теперь внутри неё не моя Диана. Не та, что шептала мне на школьной дискотеке. Не та, что брала меня за руку при всех и говорила: «Это мой парень». Не та, что написала на моей тетрадке «Люблю навсегда» и поставила сердечко — глупый, я поверил. Внутри была она. И он. Я открыл дверь, потому что она не была заперта. Никогда не запирала. Говорила: «Кому я нужна, кроме тебя?» Теперь я знал ответ: этому Вове. Они лежали на её кровати. Моя подушка — та, с которой я приходил спать по выходным, пока мать была на смене — валялась на полу. Его футболка висела на спинке моего любимого стула. Того самого, на котором я сидел, когда писал ей стихи. Глупые, юношеские. «Ты мой свет в конце тоннеля». Теперь я понимал, что тоннель был коротким. Он — Вова, её бывший. Лысый, накачанный, на год старше. Он даже не повернул голову. Просто лежал и смотрел в потолок, будто так и надо. А она закричала. Но не так, как я представлял. Я думал, она скажет: «Рома, прости, это ошибка». Я был готов простить. Потому что без неё я не дышал. Она была моим первым всем: первый поцелуй, первое «люблю», первая ночь, когда мы просто лежали рядом и слушали дождь. Она закричала: «Ты что, не стучишься?!» Даже не «что ты здесь делаешь». Просто «не стучишься». Я смотрел на неё и не узнавал. Лицо красное, глаза злые — и ни капли вины. Будто это я был виноват. Вова наконец поднял голову и сказал: «Ты бы вышел, парень. Неудобно как-то». Я не помню, как вышел. Помню только, что в руке у меня всё ещё был пакет с её любимыми пирожными. «Корзиночки» из пекарни за углом. Она обожала их. Я бежал через весь город, чтобы успеть до закрытия, потому что у неё была контрольная и она устала. Я хотел сделать ей приятно. А она целовала его затылок. Я шёл по улице. Осень, холодно, но я не чувствовал. Пирожные в пакете превратились в кашу. Где-то на площадке смеялись дети. Я смотрел на них и думал: «Вы тоже вырастаете. И она тоже когда-нибудь сделает вам больно». Я зашёл в парк, сел на скамейку, где мы целовались в прошлом сентябре. Тогда она сказала: «Ты будешь моим мужем, Ромка». Я поверил. Восемнадцатилетний дурак. Я верил во всё, что она говорила. Верил, когда она врала маме, что ночует у подруги, а сама была у меня. Верил, когда она писала смс «спокойной ночи, мой герой». Герой с пакетом пирожных. Я вытащил телефон. Смотрел на её номер, на нашу переписку с сердечками. Я хотел разбить телефон о дерево. Но просто написал: «Я всё видел». Прочитала. Не ответила. Я сидел так час, может,

¹ Глава 2

два. Замёрз, но не чувствовал. Смотрел на звёзды и думал: «Как теперь жить?» Восемнадцать лет — вроде уже взрослый. А я чувствовал себя стариком. Домой я пришёл под утро. Мать спала — ночная смена. Я зашёл в свою комнату, закрыл дверь. Посмотрел на её фотографии на стене. На полке — её заколка, которую я украл в кинотеатре. Я снял всё. Сложил в пакет. Хотел выкинуть, но рука не поднялась. Задвинул под кровать. А потом открыл браузер. Наткнулся на новость — набор добровольцев на СВО. Я смотрел на страницу и думал: «А что, если?». Если я здесь никому не нужен, то там пригожусь. Там всё честно. Не будет девчонок, которые изменяют. Будет задача, оружие, товарищи. Или смерть. Мне было всё равно. На следующий день я пошёл в военкомат. Мать была на работе, я оставил записку: «Уехал к другу, вернусь через пару дней». Я никогда не врал матери. Но не мог сказать правду. В военкомате пахло казённой бумагой. Очередь из мужиков. Я встал в конец. Когда подошла моя очередь, полковник посмотрел на меня: «Сколько лет?» — «Восемнадцать». Он кивнул, протянул бланк: «Заполняй». Я написал, поставил подпись. «Подписывай контракт. Медицинская комиссия завтра в восемь». И всё. Я сидел на скамейке перед военкоматом. Сжимал контракт. Через неделю — отправка. Телефон завибрировал. Диана: «Рома, давай поговорим. Ты не так всё понял. Я люблю тебя». Я посмотрел на «люблю» и усмехнулся. Удалил её номер. Написал в ответ только: «Свободна». И убрал телефон. Встал, поправил рюкзак — там лежали носки, зарядка и одно фото. То самое, на школьном крыльце. Я взял его, чтобы помнить, зачем я здесь. Дома я не заходил. Оставил матери записку на кухне: «Мама, я уехал. Вернусь. Прости. Ключи под ковриком. Не ищи. Люблю тебя». И ушёл в ночь, в дождь, на вокзал. Плевать на всё. Внутри была такая пустота, что её могла заполнить только война. В поезде я сидел у окна и смотрел на огни. Думал, что еду в другую жизнь. В купе было темно. Я засунул руки в карманы, нащупал фотографию. Хотел выкинуть, но не стал. Просто сжал в кулаке. И заснул. Впервые за двое суток. А во сне мне снилась она. В школьном коридоре. Она улыбалась и махала мне. Я бежал к ней, а коридор становился длиннее, стены осыпались, в конце был взрыв. Я проснулся, когда поезд въезжал на перрон. И подумал: «Теперь всё будет по-настоящему». ---ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Учебка. Знакомство с Александром Поезд пришёл в шесть утра. На перроне пусто, только мужик в форме стоял с табличкой «Добровольцы — сюда». Я подошёл, он махнул: «В автобус». В автобусе сидели пятеро: мужики за сорок, один здоровый лысый, один тощий, похожий на учителя физкультуры, и парень лет двадцати с испуганными глазами. Я сел в конец, достал телефон — связи нет. Мать уже проснулась, прочитала записку. Представил её лицо — стало тошно. Но я уже здесь. Назад пути нет. «Учебка» выглядела как старый совковый лагерь. Корпуса с облезлой краской, плац с ямами. Инструктор построил нас, пробежал глазами, остановился на мне: «Ты мелкий, будешь в третьей роте». Меня поселили в казарму. Двадцать коек, запах носков, сырости и табака. Моя койка — в углу, у окна. Я кинул рюкзак и сел. «Ну вот, Рома, ты здесь». Первые три дня были тоской. Подъём в шесть, зарядка, каша, строевая, стрельбище, ужин, отбой. Я выполнял всё как робот. Ни с кем не разговаривал. На четвёртый день нас вывели на полигон. Выдали автоматы — старые, настоящие. Руки дрожали. Инструктор разделил нас на пары. И тут из-за угла вышел он. Мужик лет сорока пяти, коренастый, седой, с лицом, которое жизнь не гладила — шрамы, мешки под глазами. На левом рукаве нашивка — череп. Пальцы в синих наколках — кресты, купола. Зек. Инструктор махнул ему: «Александр, твой напарник — вон тот мелкий». Я испугался. Но он просто подошёл, посмотрел на меня и сказал: «Слышь, малой, что такой кислый? Тебя баба бросила?» Я опешил. Откуда он знал? Он усмехнулся: «Всё у тебя на лице написано. Да не переживай, бывает. Сейчас я научу тебя стрелять». Он показывал, как держать автомат, как целиться, как дышать при выстреле. «Не задерживай дыхание, это только в кино так. Дыши ровно — пуля сама найдёт цель». Я выстрелил. Промазал. Ещё раз. Промазал. Он положил руку мне на плечо: «Видишь ту банку? Представь, что это тот тип, который увел твою девушку. Выстрели». Я выстрелил — банка взлетела. Александр засмеялся: «Злость — топливо, только не дай ей сожрать тебя». После стрельбища мы сидели в окопе. Он курил, я

молчал. Он спросил: «Сколько тебе?» — «Восемнадцать». — «Ладно. Главное — не подставь меня в бою. Я таких, как ты, много видел. Некоторые доходят, другие нет. Ты какой?» — «Дойду». Он кивнул: «Посмотрим. И запомни: здесь мы — семья. Всё прошлое оставь за лентой. Ты не Рома, а "мелкий", пока не заслужишь позывной». Мы пошли в столовую. Он дал мне свой шоколад: «Ты растущий». Я жевал и думал, что, может, здесь я найду себя. На следующий день он сказал: «Сегодня учимся ползать». Я засмеялся впервые за неделю. Мы шли по полигону, и я спросил: «Александр, а тебя за что посадили?» Он остановился, посмотрел, потом сказал: «Подставили. Подкинули кокаин. Я не пробовал никогда, а меня закрыли на пять лет. Ментам было всё равно. Жена ждала. Я вышел — и сюда завербовался. Денег нет, работы нет, клеймо "зек". А здесь платят, и главное — честно. Враг видимый. Не как в суде, где улыбаются в лицо, а за спину нож втыкают». Он замолчал, потом добавил: «Так что не ной. Ты из-за бабы, я из-за ментов. Но мы оба бежим от прошлого. И здесь у нас есть шанс начать заново. Или умереть. Мне всё равно». Он пошёл дальше. Я смотрел ему в спину. «Пошли, малой, — крикнул он. — Если нас накроют — сразу за мной. Я тебя не брошу. Таких, как ты, у меня в жизни было мало». Я побежал за ним. И понял, что хочу жить. --- ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Первый бой

Нас подняли в три ночи. Не по тревоге — по приказу. «Выходим на позиции, через два часа будет заход». Инструктор сказал это спокойно, будто на экскурсию. А у меня внутри всё оборвалось. Я лежал на койке, смотрел в потолок и думал: «Неужели сейчас?» Рядом зашуршал Александр. Он уже был одет, автомат в руках, глаза серьёзные. Он подошёл, сунул мне свёрток: «Держи, малой. Сухой паёк и запасные магазины. И запомни: как начнётся — не высовывайся без команды. Будешь героем — пуля найдет быстрее, чем ты успеешь испугаться». Я кивнул. Руки тряслись. Я никогда не был в бою. Даже в драках не участвовал — только раз в школе получил от Вовы, когда тот ещё не был бывшим. А теперь я ехал в броневике в самое пекло, и мне было по-настоящему страшно. Дорога заняла час. Грязь, колдобины, вонь солярки. Рядом сидели мужики, все молчали. Александр сжимал автомат и смотрел в одну точку. Я хотел спросить, страшно ли ему, но не стал. Потому что знал — страшно всем. А тот, кто говорит, что не боится, — врёт. Выгрузились на окраине села. Темнота, ни огня, только где-то далеко гудело. Александр ткнул меня в плечо: «За мной, малой. Не отставай». Мы побежали к окопам. Грязь хлупала под ногами, я спотыкался, но держался за ним. В окопе было сыро и тесно. Мы прижались к стенке. Александр достал флягу, сунул мне: «Глотни, полегчает». Я глотнул — оказалось, спирт. Горло обожгло, но внутри отпустило. — Как ты это выдерживаешь? — спросил я шёпотом. — А никак. Просто я уже два срока отмотал в зоне, там было не легче. Свой законы. А здесь — те же. Главное — не трусь. И слушай меня. Потом началось. Сначала свист, потом взрыв. Где-то впереди, метрах в ста. Земля дрогнула. Я вжался в грязь. — Миномёт, — спокойно сказал Александр. — Не наш. Ложись и не дыши громко. Второй взрыв — ближе. Осколки засвистели над головой. Я почувствовал, как штаны стали мокрыми. Александр ничего не сказал, просто прижал меня к земле. — Терпи, пацан. Это только начало. Третий взрыв — прямо перед окопом. Я услышал крик. Кто-то из наших заорал, потом смолк. Александр выглянул и пригнулся. — Всё, малой. Сейчас пойдут в атаку. Стреляешь только по моей команде. Не раньше. Я тебя не брошу. И не вздумай геройствовать. Я сжал автомат. В голове пустота. Только мысль: «Я хочу домой». Но дома уже не было. Там была Диана, которая предала. Там мать, которая плачет. Там ничего не осталось, кроме боли. А здесь, в грязи, было понятно, кто враг. Из темноты побежали фигуры. Александр крикнул: «Огонь!» — и начал стрелять. Я тоже нажал на спуск. Автомат задрожал, пули ушли в небо. Промазал, снова, снова. Александр заорал: «Целься! Не в небо!» Я выдохнул, прицелился в одну из теней. Выстрелил. Фигура упала. Я не почувствовал ничего — ни радости, ни страха. Только шок. Внезапно рядом что-то взорвалось. Меня отбросило к стенке, ударился головой, потемнело в глазах. Очнулся от того, что Александр тащил меня за шиворот. — Вставай! Уходим, нас накрывают! Я попытался встать, но нога не слушалась. Александр посмотрел, ругнулся: «Осколок». Рванул меня, перекинул через плечо и побежал. Я висел на

нём, как мешок, а вокруг рвалось, свистело, горело. Он бежал, спотыкался, задыхался, но не останавливался. Мы упали в воронку. Стрельба стихла. Александр посадил меня, ощупал ногу. Крови много, но кость целая. — Отлежишься, малой. Первое ранение. Будешь рассказывать внукам. А я пока прикрою. Он встал, взял автомат и пошёл к краю воронки. Я смотрел на него и не верил, что этот зек, которого подставили, спас мне жизнь. Не за деньги, не за орден. Просто потому что так надо. — Александр, — крикнул я. — Спасибо! Он обернулся, усмехнулся — и в тот момент я понял, что он стал моим братом. — Не бойся, малой. Мы ещё повоюем. А там, глядишь, и домой вернёмся. Или нет. Но сейчас лежи и не рыпайся. ---ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Разговор у костра. После боя нас отправили в тыл — перевести дух, залатать раны. Мне зашили ногу, сказали, кость не задела, только мясо. Больно было, но я терпел. Хуже было другое — внутри что-то сломалось. Я убил человека. Не в игре, а по-настоящему. Он бежал, я нажал на спуск, и он упал. Я не знал, кто он, как его зовут, есть ли у него мать и девушка. Мне было страшно — не от того, что я сделал, а от того, что мне было почти всё равно. Александр нашёл меня у костра. Мы развели его в старом цехе, чтобы не светить. Сидели вшестером — я, Александр, два мужика из отделения и ещё двое. Все молчали. Только треск дров и далёкие разрывы. Александр сидел рядом, чистил автомат. Потом закурил, протянул мне пачку. Я взял — никогда не курил, но затянулся. Закашлялся, он кивнул: «Молодец. Первый шаг к взрослой жизни. Дальше только хуже, так что привыкай». Я спросил: «Александр, тебе первый раз пришлось убить?» Он затянулся, выдохнул дым: «В зоне. Или ты, или тебя. Сокамерник хотел меня замочить, думал, я крыса. А я не был. Я просто выживал. Первый раз — как первый раз любить, только больнее. Ты потом неделю видишь его во сне, а потом привыкаешь. Но ты не думай, что ты зверь. Ты человек. Ты просто выжил. Это главное». Я спросил: «Как ты выжил в зоне?» Он откинулся: «Там два правила. Первое — никому не доверяй. Второе — найди одного, кому можно. Мне повезло — старый зек научил меня не лезть на рожон, быть хитрее. Он говорил: "Александр, в зоне выживает не сильный, а умный". Он был прав. Я вышел живым. А он умер на моих руках от рака». Он помолчал, потом спросил: «Знаешь, зачем ты здесь? По-настоящему?» Я задумался. Я здесь, потому что мне было больно. Потому что я не знал, куда деть себя. — Я не знаю, — ответил я честно. — А я знаю. Ты здесь, чтобы понять, кто ты. В гражданке — ты просто парень, которого бросила девушка. А здесь, с автоматом, — ты мужчина. Или труп. Выбора нет. И это правильно, потому что жизнь — война. Просто там, за лентой, она лживая. А здесь — честная. Хочешь жить — бей, хочешь умереть — ляг и жди. Но ты, я вижу, не из таких. Он улыбнулся, положил руку на плечо: «Держись. Я тебя научу всему. А там, глядишь, и домой вернёмся. Ты — мой брат теперь. А братьев я не предаю». Мы сидели у костра до утра. Я слушал его истории про зону, про жизнь. Он рассказывал, как жена ждала семь лет, как подписал контракт, чтобы заработать. И я понял: он такой же потерянный, как я. Только старше и научился не ныть. Под утро он заснул, привалившись к стене. Я смотрел на его избитое лицо и думал: «Может, здесь я нашёл себя. Или его. Главное, что я не один». ---ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. Как я встретил Диану (Флешбэк) Я лежал в окопе, сжимая фотографию, и думал о том, как всё начиналось. Два года назад. Мне было восемнадцать, я жил с матерью, она вечно пропадала на сменах. Денег не было, друзей почти не было. Я сидел в телефоне. А потом мать нашла мою переписку с девочкой и устроила скандал. Она кричала, что я позорю её, что стану таким же, как отец, который ушёл. Я сорвался, собрал рюкзак и сказал: «Я уезжаю к Юле». Юля — моя двоюродная сестра, мы ровесники, я старше на полгода. Она жила в областном городе, училась в институте. Я часто приезжал к ней, но в этот раз я решил бежать по-настоящему. Мать орала, но я уже купил билет. В поезде я просидел семь часов. Ночью думал, что, может, там, у Юли, жизнь будет другой. Я найду друзей, девушку, себя. Я не знал, что найду то, что ломает меня через два года. Юля встретила меня на вокзале. Она обняла и сказала: «Рома, чего кислый? Расслабься, тут понравится. Родители разрешили пожить, но предупредили: если будете шалить — вылетите оба». Мы засмеялись. Она жила с родителями,

мне выделили бывшую кладовку с кроватью и столом. На второй день Юля сказала: «Пойдём, познакомлю с друзьями». Мы пошли в парк, там сидела компания. И среди них была она. Диана. Она была красивая: длинные тёмные волосы, зелёные глаза, дерзкая улыбка. Сидела на скамейке, закинув ногу на ногу, и курила. Когда Юля представила меня, Диана посмотрела и сказала: «О, Юлька, серьёзно? Это твой брат? Он же пацан». Я покраснел, но ответил: «Мне восемнадцать, я нормальный. И я не брат, я двоюродный». Она усмехнулась: «Ну-ну, посмотрим». Я подсел к ней, начал болтать про музыку, фильмы. Слушала с усмешкой, но отвечала. Через час она сказала: «Ладно, мелкий, ты забавный. Будешь моим другом». Я стал тусоваться с ней каждый день. Юля была занята, так что мы шатались по городу вдвоём. Я влюбился как дурак. Всё в ней было круто: голос, запах, смех. Она казалась мне взрослой, недостижимой, но была со мной на равных. Через две недели я поцеловал её на крыше дома. Она не сопротивлялась. А потом сказала: «Рома, серьёзно? Ты же ещё ребёнок». Я ответил: «А ты? Ты такая же». Она засмеялась и поцеловала меня снова. Мы начали встречаться. Я забыл про мать, про свой город. Я был с ней, и мир вращался вокруг нас. Она брала меня за руку при всех, говорила, что я её парень. Познакомила с родителями. Но через месяц я узнал, что у неё есть бывший — Вова. Лысый мудака, на год старше. Когда я увидел его, всё сжалось внутри. Диана сказала: «Не обращай внимания, он просто козёл, мы расстались». Я поверил. Потому что хотел верить. Мы встречались почти два года. Я ездил к ней каждый месяц, врал матери, что на командировках, таскал подарки, цветы, пирожные. А она переписывалась с Вовой. Я не знал. Я закрывал глаза. И в итоге открыл ту дверь — и всё рухнуло. Я сжал фотографию, слёзы потекли. Но я вытер их и сказал себе: «Хватит. Ты здесь, в окопе. Ты убил человека, выжил. А она просто предала. Всё это — прошлое». Я засунул фотографию обратно. Встал, взял автомат. Александр спал рядом. Я посмотрел на него и подумал: «Может, я не нашёл любовь, но нашёл брата. И это больше, чем я имел раньше». ---ЭПИЛОГ. Возвращение(Два года спустя)Поезд въехал на перрон в шесть утра. Я сидел у окна, смотрел на знакомый город и не верил, что я здесь. Два года в аду, два года с Александром, который стал мне отцом и братом. А теперь я возвращался. Нога болела — осколок давал о себе знать, но я не жаловался. Александр научил не жаловаться. Мы вышли из поезда. Он нёс мой рюкзак. «Держись, малой. Мы вернулись. Теперь живи. А я — к своей жене. Она ждала два года». Я обнял его. Он хлопнул меня по плечу: «Ты мой брат. Если что — звони, я приеду. А теперь иди, живи. Ты заслужил». Я пошёл. Город не изменился. Только я стал другим. А потом я увидел её. Она стояла у той скамейки, где мы целовались два года назад. Без косметики, с красными глазами. Увидев меня, замерла, а потом побежала. — Рома, прости меня! — кричала она, обнимая и рыдая. — Я дура, я всё поняла! Я люблю тебя, только тебя! Я стоял и молчал. Два года назад я бы упал на колени и простил сразу. Но теперь я был другим. Я обнял её — нежно, но спокойно. — Диана, я тебя прощаю. Не потому что я добрый, а потому что устал ненавидеть. Я видел смерть, я убивал, я терял братьев. И понял: любовь — это не измена. Это когда ты рядом даже в грязи. Ты была не рядом. Но если хочешь — попробуем заново. Только без лжи. Она подняла заплаканные глаза, улыбнулась и кивнула: «Без лжи. Обещаю». Мы стояли обнявшись, и я чувствовал, как два года войны выходят из меня. Через месяц я снял комнату, устроился на стройку — Александр помог. Мать я нашёл, она плакала, когда я позвонил. Я пообещал приехать. Мы наладили всё. А потом мы встретились с Дианой в парке, и она сказала: — Рома, я хочу быть с тобой. Вова ушёл на СВО. Говорит, хочет доказать, что он мужчина. Мне всё равно. Главное, что ты здесь. Я засмеялся. Вова ушёл на войну. Тот самый Вова. Теперь он там, где я был. Посмотрим, сможет ли он выжить. — Я не знаю, Диана, будет ли у нас что-то. Но я готов попробовать. Если ты примешь меня такого — хромого, с кошмарами по ночам. Я не подарок. — А я и не прошу подарок. Я прошу тебя. Просто тебя. Мы целовались на той же скамейке под дождём. Только теперь я был не мальчик с пирожными. Я был бойцом, который выжил. И она — не та девочка, что предала, а та, кто поняла ошибку. Александр звонил каждый день. Он был с женой, строил дом, был счастлив. «Рома, ты как там?

Мы живы — и это главное. А баб прощай, но не забывай, кто ты. Ты — брат мой. Всегда». Я сидел в своей комнате, смотрел в окно и думал: «Всё будет хорошо». Или нет. Но я готов к любому. Потому что война научила: жить надо здесь и сейчас. И не бояться любить. Диана зашла с пирожными — как когда-то я. Улыбнулась:— Я принесла тебе «корзиночки». Потому что я помню. И я не предаю больше. Обещаю. Я взял пирожное и подумал: «Может, я не искал счастье, но оно нашло меня. В грязи, в боли, в братстве и в этой девушке, которая ошибалась. Главное — я жив, я люблю, я верю». Мы пили чай, смеялись и смотрели в будущее. Начало новой жизни. Без окопов, без пуль, без предательств. С надеждой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.